

НОРТЕНГЕРСКОЕ
АББАТСТВО

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА К «НОРТЕНГЕРСКОМУ АББАТСТВУ»

Эта небольшая работа была закончена в 1803 году в предположении, что она будет сразу опубликована. Ее принял издатель, о ее предстоящем выходе из печати было даже объявлено, и почему дело не пошло дальше, — автор так и не понял. Обстоятельства, в которых издатель находит выгодным приобрести рукопись и невыгодным — ее напечатать, выглядят из ряда вон выходящими. Впрочем, автору и читающей публике не было бы сейчас до этого дела, если бы какие-то части книги за минувшие тринадцать лет несколько не устарели. Читателей просят иметь в виду, что прошло тринадцать лет после завершения этой работы, много больше — с тех пор, как она была задумана, и что за истекшие годы географические понятия, человеческие характеры и взгляды, а также литература претерпели существенные изменения.

ГЛАВА I

Едва ли кто-нибудь, кто знал Кэтрин Морланд в детстве, мог подумать, что из нее вырастет героиня романа. Общественное положение и характеры ее родителей, собственные качества и наклонности — все у нее было для этого совершенно неподходящим. Отец ее был священником, не бедным и забитым, а, напротив, весьма преуспевающим, — правда, он носил заурядное имя Ричард и никогда не был хорош собой. Не считая двух неплохих церковных приходов, он имел независимое состояние, и ему не было нужды держать своих дочек в черном теле. Мать ее отличалась рассудительностью и добрым нравом и, как ни странно, — превосходным здоровьем. Еще до Кэтрин она успела родить трех сыновей, а произведя на свет дочку, отнюдь не умерла, но продолжала жить на земле, прижила еще шестерых детей и растила весь выводок в полном благополучии. Семейство, насчитывающее десятерых детей, обычно считается прекрасным семейством с вполне достаточным числом рук, ног и голов. Увы, Морланды не могли претендовать на этот эпитет во всех его смыслах, ибо отнюдь не отличались внешней привлекательностью. На протяжении многих лет Кэтрин оставалась такой же дурнушкой, как и все ее родичи. Тощая, несуразная фигура, вялый цвет лица, темные прямые волосы — вот как она выглядела со стороны. Ничуть не больше годился для героини романа ее характер. Ей всегда нравились мальчишеские игры — крикет она предпочитала не только куклам, но даже таким возвышенным развлечениям поры детства, как воспитание мышки, кормление канарейки или поливка цветочной

клумбы. Работа в саду была ей не по вкусу, а если иногда она собирала букеты, то делала это как будто назло — так, по крайней мере, можно было заключить, судя по тому, что она обрывала именно те цветы, которые ей запрещалось трогать. Таковы были ее наклонности. И столь же мало сулили в будущем ее способности. Ей никогда не удавалось что-то понять или выучить прежде, чем ей это объяснят, — а иной раз и после того, ибо частенько она бывала невнимательной, а порою даже туповатой. Целых три месяца потребовалось ее матери, чтобы вдолбить ей в голову «Жалобу нищего». И все же младшая сестра Салли декламировала это стихотворение гораздо выразительнее. Не то чтобы Кэтрин была безнадежной тупицей — вовсе нет. Басню про «Зайца и его дружков» она вызубрила так же легко, как и любая английская девчонка. Матери хотелось научить ее музыке. И Кэтрин полагала, что заниматься музыкой необыкновенно приятно — она ведь так любила барабанить по клавишам разбитых клавикордов. Занятия начались, когда девочке исполнилось восемь лет. Она проучилась год, и ей стало невмоготу. Миссис Морланд, считая неразумным принуждать детей к делу, к которому у них не было способностей или не лежала душа, оставила дочку в покое. День, в который Кэтрин рассталась с учителем музыки, был счастливейшим в ее жизни. Ее способности к рисованию раскрылись в той же степени, хотя, если ей удавалось раздобыть у матери обертку письма или какой-нибудь другой клочок бумаги, она использовала их самым основательным образом, изображая мало отличающиеся друг от друга домики, кустики и петушков или курочек. Писать и считать учил ее отец, а говорить по-французски — мать. Успехи ее были далеко не блестящими, и она отлынивала от занятий как только могла. Но что это был за странный, необъяснимый характер! При всех признаках испорченности, к десяти годам от роду она все же оставалась доброй и отзывчивой, редко упрячилась, почти никогда ни с кем не ссорилась и была хороша с малышами, если не считать

редких вспышек тиранства. Она была шумной и озорной девочкой, терпеть не могла чистоту и порядок и больше всего на свете любила скатываться по зеленому склону холма позади дома.

Такой была Кэтрин Морланд в десять лет. К пятнадцати годам впечатление, которое она производила на окружающих, стало понемногу исправляться. Она начала завивать волосы и подумывать о балах. Ее внешность улучшилась, лицо округлилось и посвежело, глаза стали более выразительными, а фигура — соразмерной. Она перестала быть грязнулей и научилась следить за собой, превратившись в опрятную и миловидную девушку. И ей было приятно, что в разговорах между родителями зазвучали одобрительные отзывы об ее изменившейся наружности. «Кэтрин начинает выглядеть совсем недурно — она становится почти хорошенькой!» — слышала она время от времени. И что это было за удовольствие! Казаться почти хорошенькой для девушки, которая первые пятнадцать лет своей жизни слыла дурнушкой, — радость, гораздо более ощутимая, чем все радости, которые достаются красавице с колыбели.

Миссис Морланд была добрейшей женщиной и хотела, чтобы ее дети получили в жизни все, что только им причиталось. Но она была слишком занята тем, что рожала и воспитывала малышкой, и старшие дочери оказывались поневоле предоставленными самим себе. Ничего поэтому не было удивительного, что Кэтрин, от природы лишенная всего истинно героического, в четырнадцать лет предпочитала бейсбол, крикет, верховую езду и прогулки — чтению, по крайней мере серьезному чтению. Ибо она ничего не имела против книг, в которых не было поучительных сведений, а содержались одни только забавные происшествия. Но между пятнадцатью и семнадцатью годами она стала готовить себя в героини. Она прочла все, что должны прочитать героини романов, которым необходимо запастись цитатами, столь полезными и ободряющими в их полной превратностей жизни.

От Поупа она научилась осуждать тех, кто
В притворном горе ускользнуть не прочь...

От Грея узнала,
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой...

Томсон открыл ей,
Как славно молодежь
Воспитывать уроками стрельбы!

А Шекспир снабдил ее огромным запасом сведений,
и среди них, что

Ревнивца убеждает всякий вздор,
Как доводы Священного Писанья, —

что

Ничтожный жук, раздавленный ногой,
Такое же страданье ощущает,
Как с жизнью расстающийся гигант...

и что к выражению лица влюбленной молодой женщины
вполне подходят слова:

Как статуя Терпения застыв,
Она своим страданьям улыбалась...

В этом отношении ее успехи были удовлетворительными, так же как и во многих других. Ибо, хоть она и не умела писать сонеты, она приучила себя их читать. И хотя у нее не было надежды вызвать восторг публики исполнением на фортепьяно прелюдии собственного сочинения, она была способна, не испытывая усталости, слушать игру других музыкантов. Самым слабым ее местом было рисование, в котором она не смыслила ровно ничего — настолько мало, что, попытайся она запечатлеть на бумаге профиль возлюбленного, ее и тогда никому не удалось бы изобличить. По этой части она не могла соревноваться ни с одной героиней

романа. Однако до сих пор данный недостаток не открывался даже ей самой, так как у нее не было возлюбленного и ей некого было рисовать. К семнадцати годам она еще ни разу не встретила на своем пути достойного молодого человека, который был способен воспламенить ее чувства, и ни разу не возбудила в ком-нибудь не только любовной склонности, но даже восхищения большего, чем самое поверхностное и мимолетное. Это в самом деле было очень странно! Но многие странные вещи удается объяснить, если по-настоящему вдуматься в их причины. В окрестностях не было ни одного лорда, даже баронета. Среди знакомых Морландов не было ни одной семьи, которая вырастила бы найденного на пороге мальчика неизвестного происхождения. У ее отца не было воспитанника, а местный сквайр вообще не имел детей.

Однако если молодой леди суждено стать героиней, она ею станет, даже несмотря на то, что так оплошали сорок живущих по соседству семейств. Что-нибудь случится, и героиней окажется на ее пути.

Мистеру Аллену, владельцу почти всех земель вокруг Фуллертона — деревушки, в которой жили Морланды, — было предписано отправиться в Бат для лечения подагры. И его супруга, добродушная женщина, которой очень любила мисс Морланд и которая, возможно, догадывалась, что если с молодой леди не происходит никаких приключений в родной местности, то ей следует поискать их на стороне, пригласила Кэтрин поехать в Бат вместе с ними. Мистер и миссис Морланд отнеслись к этому предложению вполне благосклонно, а Кэтрин пришла от него в неподдельный восторг.

ГЛАВА II

Вдобавок к уже упомянутым достоинствам внешности и характера Кэтрин Морланд на том рубеже ее жизни, на котором ей предстояло испытать тяготы и превратности

полуторамесячного пребывания в Бате, читателю может быть сообщено — на случай если позднейшие страницы не дадут ему достаточного представления о ее облике, — что у нее было мягкое сердце, открытый, веселый и лишенный всякого притворства или жеманства нрав, естественные, только что освободившиеся от детской застенчивости и неуклюжести манеры, правильные, в благоприятные минуты даже почти красивые черты лица и, как свойственно особам женского пола в семнадцать лет, весьма невежественный и непросвещенный ум.

По мере приближения минуты отъезда материнская озабоченность миссис Морланд, естественно, должна была крайне усилиться. Тысячи опасностей, подстерегавших ее любимую Кэтрин во время жестокой разлуки, не могли не тревожить ее сердце дурными предчувствиями и в последние два-три дня пребывания дочери под отеческим кровом не исторгать у нее то и дело потоки слез. Разумеется, во время прощальной беседы в материнской спальне с ее мудрых уст должен был слететь самый важный практический совет — из ее сердца не могло не вырваться предостережение, касающееся бесчувственных лордов и баронетов, которые тешат себе душу, соблазняя молодых леди и увозя их в свои отдаленные поместья. Да и кто бы об этом не подумал? Однако миссис Морланд так слабо представляла себе лордов и баронетов, что даже не имела понятия об их всеобщей испорченности и не подозревала об ущербе, который они могли нанести ее дочери своими гнусными происками. Ее заботы ограничились только следующими пунктами:

— Пожалуйста, Кэтрин, получше закутывай шею, выходя с бала. И мне бы хотелось, чтобы ты записывала свои расходы — я тебе дам для этого особую тетрадку.

Салли, или, точнее, Сара (ибо какая же молодая леди из круга небогатых дворян сохраняет первоначальное имя, достигнув шестнадцатилетнего возраста?), должна была, судя по ситуации, стать к этому времени самой близкой подругой Кэтрин, пользующейся ее неограниченным дове-

рием. Однако, как ни странно, она вовсе не умоляла сестру посылать письма с каждой почтой и не взяла с нее обещания рассказывать во всех подробностях про каждого нового знакомого и про каждый поворот интересного разговора. Решительно во всем, что касалось этой важной поездки, Морланды обнаружили спокойствие и умеренность, вполне свойственные обычному поведению обычных людей, но не совместимые с теми изысканными чувствами и возвышенными переживаниями, которые всегда характеризуют первую разлуку героини романа с родным кровом. И отец, вместо того чтобы вручить дочери банковский ордер на неограниченную сумму или хотя бы чек на сто фунтов стерлингов, дал ей всего десять гиней, обещав прислать еще в случае надобности.

Разлука состоялась при таких малообещающих предзнаменованиях, и поездка началась. Она проходила в приятном спокойствии и без всяких опасных приключений. Путешественникам не угрожали разбойники или буря, а их карета так и не перевернулась, давая повод появлению на сцене героя. В пути им не пришлось испытать никаких тревог, кроме опасения миссис Аллен, что она оставила в придорожной гостинице пару деревянных башмаков, — опасения, к счастью, неподтвердившегося.

Они въехали в Бат. Обращая внимание то на одну, то на другую особенность любопытных окрестностей и улиц этого города, по которым они проследовали до гостиницы, Кэтрин пребывала в полном восторге. Она сюда ехала с тем, чтобы радоваться, и была теперь счастлива.

Их устроили в удобных комнатах на Палтни-стрит.

Сейчас следует как-то охарактеризовать миссис Аллен, с тем чтобы читатель мог оценить, в какой степени последующие поступки этой особы, объясняемые ее бесцеремонностью, вульгарностью или подозрительностью, будут способствовать развитию главной жизненной драмы героини (то бишь каким именно образом — перехватив ли письма своей подопечной, возведя ли на нее напраслину или

выгнав из дома — миссис Аллен сумеет к последнему тому романа довести бедную Кэтрин до свойственной героине степени неблагополучия).

Миссис Аллен принадлежала к тем многочисленным особам женского пола, общество которых не вызывает у окружающих никаких эмоций, кроме удивления, что в мире нашлись мужчины, способные так ими увлечься, чтобы на них жениться. Она не отличалась ни красотой, ни талантами, ни образованием, ни изысканным воспитанием. Барственные замашки, вялое и бездеятельное добронравие и беззаботность — вот качества, которыми она прельстила столь разумного и образованного человека, каким был мистер Аллен. В одном отношении она особенно подходила для того, чтобы ввести в общество юную леди — она не меньше, чем молодая девица, стремилась всюду побывать и на все посмотреть. Больше всего ее интересовали новые моды. Ею владела безобидная страсть изысканно одеваться. Поэтому вступление нашей героини на светское поприще задержалось на три-четыре дня, в течение которых прежде всего было выяснено — что сейчас главным образом носят, а вслед за тем для миссис Аллен было сшито самое модное платье. Кэтрин также сделала некоторые приобретения, и, когда со всеми делами было покончено, наступил наконец знаменательный вечер ее первого появления в Верхних залах. Волосы ее были подстрижены и уложены лучшим парикмахером, ее одели со всем вниманием, и, по мнению миссис Аллен и горничной, она выглядела как нельзя лучше. Ободренная этим отзывом, Кэтрин надеялась проскользнуть в толпе, не дав своей наружностью повода для чьих-либо замечаний. Конечно, было бы приятно вызвать восхищение, но об этом она и не мечтала.

Миссис Аллен одевалась так долго, что они вошли в бальный зал довольно поздно. Сезон был в разгаре, народу было множество, и две леди протискивались вперед без чьей-либо помощи, ибо мистер Аллен прямо направился в карточную комнату, предоставив дамам наслаждаться толчеей самостоятельно. Миссис Аллен миновала сборище

мужчин около входа с той скоростью, с какой это было возможно, уделяя больше внимания своему новому платью, чем своей молодой спутнице. Кэтрин, однако, все время оставалась около нее, держа покровительницу под руку настолько крепко, что их не могла разъединить всеобщая давка. К своему крайнему изумлению, она обнаружила, что продвижение вглубь зала вовсе не помогает им выбраться на свободное пространство. Напротив, толпа даже становилась еще плотнее. Она надеялась, что, достаточно отойдя от дверей, они легко отыщут себе место и смогут с удобством наблюдать за танцующими. Но получилось совсем по-другому, и, хотя благодаря неутомимой энергии миссис Аллен они добрались до самой отдаленной от входа точки, положение их не улучшилось. Танцующие по-прежнему были заслонены от них толпой, и им были видны только кончики перьев на головах некоторых дам. Они продолжали продвигаться в поисках места получше. И, прибегая то и дело к силе и ловкости, в конце концов оказались в проходе позади самой верхней скамьи. Здесь народу было меньше, чем внизу, и отсюда мисс Морланд могла наконец обозреть все расположенное под ними сборище и все преграды, которые им только что удалось преодолеть. Вид был великолепный, и впервые в этот вечер она почувствовала себя на балу. Ей очень хотелось танцевать, но она ни с кем не была знакома. А все, что при этих обстоятельствах могла для нее сделать миссис Аллен, ограничивалось повторяющимися время от времени бесстрастными высказываниями наподобие следующих:

— Так было бы приятно, моя дорогая, если бы вам удалось принять участие в танцах! Если бы только для вас нашелся партнер!

В течение некоторого времени ее юная спутница испытывала к ней благодарность за сочувствие. Но подобные фразы миссис Аллен повторяла так часто и проку от них было так немного, что в конце концов они стали лишь раздражать бедную Кэтрин, которой надоело на них отзываться.

Наши дамы, однако, недолго наслаждались дорого доставшимся им удобным местом на возвышении. Вскоре все устремились в чайную комнату, и им пришлось протискиваться туда вместе с остальной публикой. Кэтрин ощущала уже некоторое разочарование — она устала оттого, что ее толкали со всех сторон люди с малопривлекательными лицами, среди которых она чувствовала себя настолько чужой, что даже не могла отвлечься от неудобства давки, обмениваясь с окружающими односложными замечаниями. Когда в конце концов они добрались до чайной комнаты, невозможность присоединиться к каким-нибудь знакомым, с кем-то поздороваться или ждать помощи от какого-нибудь джентльмена почувствовалась особенно остро. Мистера Аллена не было видно. И, не найдя ничего лучшего, они были вынуждены присесть за краешком стола, вокруг которого собралась уже какая-то большая компания, не зная, что предпринять, и разговаривая только между собой.

Как только они уселись, миссис Аллен поздравила себя с тем, что ей удалось уберечь свое новое платье.

— Было бы просто ужасно, — сказала она, — если бы его порвали, не правда ли? Такой тонкий муслин! Признаюсь, я не видела другого подобного туалета во всем зале!

— Как досадно, что у нас здесь нет ни одного знакомого человека! — прошептала Кэтрин.

— Разумеется, дорогая моя, — бесстрастно отозвалась миссис Аллен, — это в самом деле очень досадно.

— Но что же нам делать? Господа за этим столом поглядывают на нас так, словно удивляются, видя нас здесь. Мы как бы навязываемся им в компанию.

— Это в самом деле ужасно. Было бы лучше, если бы у нас нашлось здесь много знакомых.

— Да хоть бы немного! Мы хоть к кому-то могли бы тогда подойти.

— Вот именно, дорогая! Если бы мы здесь кого-то знали, мы подошли бы к нему тотчас же. В прошлом году здесь были Скиннеры. Вот было бы приятно сейчас их увидеть!

— Но не следует ли нам в таком случае уйти? Видите, нам даже не предлагают чаю.

— В самом деле не предлагают. Возмутительно! Но лучше посидим здесь. В толпе просто невозможно дышать. Как выглядит моя прическа, дорогая? Кто-то толкнул меня так сильно, что я испугалась, как бы она не рассыпалась.

— О нет, она в полном порядке. Но, милая миссис Аллен, вы убеждены, что среди всей этой массы народа вы не знаете ни одного человека? Должны же вы быть хоть с кем-то знакомы!

— Честное слово — ни с кем! Я была бы рада сама. Так было бы приятно, если бы у нас появилось много знакомых и я смогла бы найти вам партнера для танцев. Я бы очень хотела, чтобы вам удалось потанцевать. Но взгляните на эту странную даму. Что за платье! Таких не носят уже бог знает с каких пор. Только посмотрите на ее спину!

Через некоторое время кто-то из соседей по столу предложил им чаю. Они приняли его с благодарностью. Если не считать возникшего при этом обмена любезностями, то за весь вечер до прихода, уже после окончания танцев, мистера Аллена с ними никто больше не разговаривал.

— Надеюсь, мисс Морланд, — спросил мистер Аллен, появляясь, — бал доставил вам удовольствие?

— О да, очень большое, — ответила Кэтрин, тщетно скрывая зевок.

— Я все время ждала, что ее кто-нибудь пригласит танцевать, — сказала его жена. — Так хотелось найти для нее партнера! Я уже говорила ей, как жалко, что Скиннеры, вместо того чтобы приехать нынче, побывали здесь в прошлом году. И Пэрри тоже не приехали — они ведь сюда собирались. Кэтрин могла бы танцевать с Джорджем Пэрри. Какая жалость, что у нее не нашлось партнера!

— Ну, не беда, — утешил их мистер Аллен. — В другой раз, надеюсь, нам повезет больше.

После танцев толпа начала понемногу редеть — настолько, что у оставшихся гостей появилась возможность прогуливаться с некоторыми удобствами. И вот для героини,

сыгравшей до сих пор не слишком заметную роль, наступило время, когда она могла бы привлечь внимание и вызвать восхищение. С каждой минутой народу становилось все меньше и красота Кэтрин становилась виднее. Она могла броситься в глаза многим молодым людям, которые раньше к ним не приближались. Однако ни один из них открыто не проявил восторга, никто не назвал Кэтрин богиней и по залу не пронесся недоуменный ропот по поводу появления никому неведомой красавицы. Тем не менее Кэтрин выглядела премоило, и если бы присутствующие могли сравнить ее внешность с тем, как она выглядела три года назад, они нашли бы ее очаровательной.

И все же кто-то посмотрел на нее благосклонно — она сама слышала, как два джентльмена назвали ее хорошенькой. Слова эти произвели свое действие. Бал сразу представился ей гораздо более приятным, чем казался прежде. Ее непритязательное тщеславие было удовлетворено. Мимолетный комплимент в устах двух молодых людей был ей милее, чем подлинной героине — пятнадцать сонетов, написанных во славу ее очарования. И на протяжении остального вечера она испытывала благодарность ко всем присутствующим и была вполне удовлетворена вниманием, проявленным к ее особе.

ГЛАВА III

Каждое утро посвящалось теперь какому-нибудь очередному занятию: беготне по магазинам, осмотру новой части города или посещению Галереи-бювета, по которой они фланировали около часа, разглядывая встречных, но не имея возможности ни с кем вступить в разговор. Миссис Аллен по-прежнему горела желанием располагать в Бате обширным знакомством и говорила об этом ежедневно, всякий раз, как какое-нибудь обстоятельство напоминало ей, что она не знает здесь решительно никого.

Они побывали в Нижних залах, и там судьба обошлась с нашей героиней более благосклонно. Распорядитель пред-

ставил ей в качестве партнера по танцам молодого человека, которого почти с полным правом можно было назвать красавцем. Он был двадцати четырех — двадцати пяти лет от роду, высокого роста и благородной осанки, с приятными чертами лица и острым, живым взглядом. Фамилия его была Тилни. Кэтрин сразу почувствовала к нему симпатию. Во время танца они почти не могли разговаривать. Но за чайным столом она убедилась, что первое благоприятное впечатление ее не обмануло. Он говорил оживленно и остроумно, и в его поведении ощущались добродушная ирония и лукавство, которые доставляли ей удовольствие, хотя она и не вполне могла их раскусить. Поболтав некоторое время о том, что их непосредственно окружало, он неожиданно сказал:

— Простите, сударыня, мою нерадивость в качестве партнера по танцам. Я до сих пор не осведомился у вас — давно ли вы сюда приехали, приходилось ли вам бывать в Бате прежде, посетили ли вы Верхние залы, театр и концерты и какое этот город произвел на вас общее впечатление. Я недопустимо пренебрег своими обязанностями. Но не найдете ли вы возможным дать мне соответствующие разъяснения, хотя бы с опозданием? Если не возражаете, я примусь за дело тотчас же.

— Вам незачем, сэр, по этому поводу беспокоиться.

— Помилуйте, сударыня, мне это не причинит ни малейшего беспокойства. — И, изобразив на лице жеманную улыбку, он спросил более высоким голосом: — Давно ли, сударыня, вы прибыли в Бат?

— Около недели тому назад, сэр, — ответила Кэтрин, стараясь удержаться от смеха.

— В самом деле?! — воскликнул он с нарочитым удивлением.

— Почему, сэр, вы этому удивляетесь?

— Вы, разумеется, правы, — произнес он обычным тоном. — Но ведь нужно же было выразить по поводу вашего приезда какие-то эмоции. А при подобных обстоятельствах

удивление кажется вполне уместным и ничуть не уступает любому другому чувству. Итак, продолжим. Приходилось ли вам бывать здесь раньше?

— Никогда, сэр.

— Вот как! А удостоили ли вы своим посещением Верхние залы?

— Да, сэр, я была там в прошлый понедельник.

— И уже побывали в театре?

— Да, сэр, я смотрела спектакль во вторник.

— И на концерте?

— Да, сэр, в среду.

— А какое у вас общее впечатление от Бата?

— Благодарю вас, самое лучшее.

— Теперь мне остается только глупо ухмыльнуться, после чего мы сможем снова вести себя разумно.

Кэтрин отвернулась, не зная, вправе ли она позволить себе рассмеяться.

— Догадываюсь, что вы обо мне думаете, — сказал он печально. — Завтра вы отзоветесь обо мне в вашем дневнике не слишком лестно.

— В моем дневнике?

— Да, я знаю отлично, что там будет написано: «Пятница. Посещение Нижних залов. Надела узорчатое муслиновое платье с синей отделкой, простые черные туфли, выглядела эффектно. Была фраппирована странным полумным субъектом, который со мной танцевал и досаждал мне своими глупостями».

— Уверяю вас, у меня в мыслях не было ничего подобного!

— Хотите, я скажу, что у вас должно быть в мыслях?

— Если вам угодно.

— «Танцевала с очень милым молодым человеком, представленным мне мистером Кингом. Была увлекательная беседа — он показался мне необыкновенно одаренным, — надеюсь познакомиться с ним поближе». Мне бы хотелось, сударыня, чтобы вы написали именно так.

— Но, быть может, я вовсе не веду дневника?

— Быть может, вы не сидите в этой комнате, а я не сижу подле вас. Эти два предположения кажутся мне столь же обоснованными. Не ведете дневника! Но как же без него представят себе вашу жизнь в Бате отсутствующие кухни? Как вам удастся рассказать должным образом обо всех услышанных вами любезностях и комплиментах, если вы не будете по вечерам записывать их в дневник? Как сможете вы запомнить со всеми подробностями ваши разнообразные туалеты, ваше самочувствие, ваши прически? Дорогая сударыня, я не настолько несведущ в образе жизни молодых леди, как вам хотелось бы думать. Только благодаря похвальной привычке вести дневник дамы способны так превосходно писать и славятся своим стилем. Общеизвестно, что писание писем — талант главным образом женский. Конечно, некоторое значение имеет и природа, но я убежден, ей немало способствует ведение дневников.

— Я иногда задумывалась, — с сомнением сказала Кэтрин, — верно ли, что женщины пишут письма лучше мужчин. Говоря по правде, я не уверена, что в этой области превосходство всегда принадлежит моему полу.

— Насколько я способен судить, женщины пишут письма, как правило, безукоризненно... Если только не принимать во внимание трех мелких недостатков.

— Каких же именно?

— Бессодержательности, полного невнимания к пунктуации и частых грамматических ошибок.

— Ах, вот как? Вашу похвалу, оказывается, вовсе не нужно оспаривать. Вы не придерживаетесь о нас в этом вопросе слишком высокого мнения.

— Отныне я не буду считать неопровержимым, что женские письма лучше мужских, так же как и то, что женщины лучше поют в дуэтах или лучше рисуют пейзажи. В любом деле, определяемом вкусом, превосходство делится между обоими полами равномерно.

Их разговор был прерван вмешательством миссис Аллен:

— Кэтрин, дорогая, пожалуйста, вытащите булавку из моего рукава. Боюсь, она уже прорвала дыру. Я бы немало

огорчилась — это мое любимое платье, хотя материя стоила всего по девяти шиллингов ярд.

— Именно так я и подумал, сударыня, — сказал Тилни, рассматривая материю.

— Вы разбираетесь, сэр, в муслине?

— Превосходно. Я всегда сам покупаю себе шарфы и считаюсь в этом деле знатоком. Моя сестра часто поручает мне выбрать ей платье. Как-то раз я ей купил одно, и все видевшие его дамы единодушно признали, что я совершил прекрасную покупку. Я заплатил всего по пяти шиллингов за ярд, а это был настоящий индийский муслин.

Миссис Аллен была восхищена его способностями.

— Мужчины обычно так плохо разбираются в этих вещах! Я никогда не научу мистера Аллена отличать одно мое платье от другого. Ваша сестра, сэр, должно быть, очень вами дорожит.

— Надеюсь, что так, сударыня.

— А скажите, сэр, что вы думаете о платье мисс Морланд?

— Оно очень красиво, сударыня, — сказал Тилни, серьезно его рассматривая. — Но, мне кажется, на него плохо подействует стирка. Боюсь, оно сильно сядет.

— Как вы можете, — со смехом сказала Кэтрин, — так... — Она чуть было не произнесла: «притворяться».

— Вполне с вами согласна, сэр, — ответила миссис Аллен. — Я говорила ей то же самое, когда она его покупала.

— Вы знаете, сударыня, муслин всегда может на что-нибудь пригодиться. Мисс Морланд сможет сделать себе из него платки, чепчик или накидку. Он никогда даром не пропадает. Моя сестра говорила мне это не раз, покупая материи больше, чем требовалось, или неудачно разрезая ее на куски.

— Бат, сэр, — очаровательное место! Здесь столько прекрасных магазинов. К сожалению, мы живем в самой глуши. Конечно, у нас есть неплохие магазины и в Сэлсбери, но туда так тяжело добираться. Восемь миль — это не

шутка. Мистер Аллен утверждает, будто бы даже девять, — так, мол, измерено. Но я убеждена, там не больше восьми. И все же это страшно утомительно — я оттуда возвращаюсь без сил. А здесь — выйдешь из двери, и через пять минут все, что вам нужно, в ваших руках.

Мистер Тилни был достаточно любезен, чтобы выразить интерес к ее словам. И она обсуждала с ним тему о муслине вплоть до возобновления танцев. Слушая их разговор, Кэтрин подумала, что ее кавалер, пожалуй, чересчур снисходителен к слабостям ближних.

— О чем это вы так серьезно задумались? — спросил Тилни по пути в танцевальный зал. — Надеюсь, мысли у вас не заняты вашим партнером, — судя по выражению лица, они вас не радуют.

Кэтрин покраснела.

— Я вообще ни о чем не думала.

— С вашей стороны это очень любезно. Но вы вполне могли бы сказать, что просто не хотите ответить на мой вопрос.

— Что ж, не хочу!

— Благодарю вас. Мы скоро хорошо друг друга узнаем — я получаю право вас дразнить. Ничто так не способствует близкому знакомству.

Они протанцевали еще один танец и, когда вечер кончился, расстались с желанием — по крайней мере, со стороны леди — встретиться снова. Произвел ли он на нее столь сильное впечатление, чтобы она думала о нем, когда пила теплое вино с водой и готовилась ко сну, — трудно сказать. Надеюсь все же, что мысль о нем пришла ей в голову, лишь когда она засыпала или в утренней дреме. Ибо, согласно мнению выдающегося писателя¹, в той же мере, в какой молодой леди не подобает влюбляться до объяснения в любви со стороны джентльмена, ей не следует и думать о нем прежде, чем станет известно, что он думает о ней.

¹ Смотри письмо мистера Ричардсона № 97, том II, «Бродяга». (Примеч. автора.)

Мистеру Аллену не было дела до того, станет ли мистер Тилни думать о Кэтрин и собирается ли он в нее влюбиться. Но у него не было возражений против нового знакомства. Еще в самом начале вечера он не поленился навести справки и получил о молодом человеке вполне благоприятные сведения, согласно которым мистер Тилни избрал духовную карьеру и принадлежал к весьма уважаемому семейству в Глостершире.

ГЛАВА IV

На следующий день Кэтрин поспешила в Галерею с особенным нетерпением, надеясь еще утром увидеть там мистера Тилни и готовясь встретить его приветливой улыбкой. Увы, ей не пришлось улыбаться — мистер Тилни не появился. В разное время дня, в те часы, когда в Галерее собиралось больше всего народа, там можно было заметить кого угодно, кроме него. Множество людей то и дело поднималось и спускалось по ступенькам, входило и выходило. Людей, до которых никому не было дела и которых никто не хотел видеть. И только он отсутствовал.

— Какое прелестное место Бат, — сказала миссис Аллен, когда они уселись возле огромных часов после утомительного расхаживания по залу. — И как было бы приятно, если бы мы здесь встретили кого-нибудь из знакомых!

Это пожелание высказывалось ею все достаточно часто, и миссис Аллен не могла особенно надеяться, что судьба на сей раз откликнется на него более благоприятно. Но, как нас учили: «Надежды не теряй и к цели следуй», поскольку: «Упорный труд венчается победой». И упорному труду ежедневных повторений одного и того же пожелания суждено было в конце концов увенчаться справедливой наградой, ибо они не просидели и десяти минут, как находившаяся неподалеку и внимательно всматривавшаяся в миссис Аллен дама примерно ее возраста вдруг самым любезным образом обратилась к ней со следующими словами:

— Мне думается, сударыня, я не могла ошибиться. С тех пор как я имела удовольствие вас видеть, прошло достаточно времени, но, не правда ли, ваша фамилия Аллен?

Когда на этот вопрос с готовностью ответили, дама сообщила, что ее фамилия Торп. И миссис Аллен тотчас же узнала черты своей любимой школьной подруги, с которой, после того как они повыходили замуж, виделась всего один раз, да и то много лет назад. Радость обеих дам по поводу этой встречи была, как и следовало ожидать, необыкновенной, — принимая во внимание, что на протяжении последних пятнадцати лет их вполне устраивало полное отсутствие сведений друг о друге. Были произнесены комплименты по поводу того, что каждая из них удивительно хорошо выглядит. И, упомянув о том, как много времени утекло с их последней встречи, насколько неожиданно для них это свидание в Бате и как приятно найти старых друзей, они стали расспрашивать и рассказывать о своих семьях, сестрах и кузинах, говоря одновременно, почти не слушая друг друга и делясь сведениями с гораздо большей охотой, чем их приобретая. В этой беседе миссис Торп располагала перед миссис Аллен неоспоримым преимуществом — она могла рассказывать о своих детях. И, рассуждая о талантах сыновей и красоте дочерей, сообщая об их занятиях и видах на будущее — что Джон учится в Оксфорде, Эдвард служит в портновской фирме, а Уильям плавает в море и что всех троих знакомые ценят и уважают больше, чем кого-либо в целом мире, — она заставляла миссис Аллен, лишённую подобных радостей, как и возможностей делиться ими с недоверчивой и равнодушной приятельницей, сидеть молча, делая вид, как будто она к этим материнским излияниям прислушивается, и утешаясь открывшимся ее пронзительному взору наблюдением, что кружево на ротонде миссис Торп по крайней мере вдвое дешевле того, которое носит она сама.

— А вот мои дорогие девочки! — воскликнула миссис Торп, указывая на трех прелестных особ женского пола, которые шли в ее сторону, держась за руки. — Дорогая

миссис Аллен, я жажду вам их представить. Они будут счастливы с вами познакомиться. Самая высокая — Изабелла, моя старшая. Не правда ли, очаровательное создание? Других тоже находят хорошенькими, но Изабелла, по-моему, превзошла всех.

Девушки Торп были представлены. И мисс Морланд, о которой на некоторое время забыли, была, в свою очередь, представлена дамам Торп. Ее фамилия поразила всех. И после нескольких любезных замечаний старшая из сестер громко сказала младшим:

— Как похожа мисс Морланд на своего брата!

— Она его вылитый портрет! — воскликнула мать, после чего каждая повторила по нескольку раз:

— Я бы сразу догадалась, что это его сестра, где бы ее ни встретила!

В первые минуты Кэтрин испытывала недоумение. Но едва только миссис Торп и ее дочери принялись описывать обстоятельства, при которых состоялось их знакомство с мистером Джеймсом Морландом, она вспомнила, что ее старший брат недавно подружился с учившимся с ним в колледже молодым человеком по фамилии Торп и провел в его доме неподалеку от Лондона последнюю неделю рождественских каникул.

Как только все разъяснилось, девушки Торп выразили самое горячее желание поближе с ней познакомиться, ибо дружба между их братьями уже сделала их подругами, и так далее, и тому подобное. Кэтрин отнеслась к этому весьма благосклонно, ответив со всей любезностью, на какую была способна. И в качестве первого доказательства дружбы ей вскоре была предложена рука мисс Торп-старшей, пригласившей ее пройтись по залу. Кэтрин была в восторге от приобретения нового батского знакомства и, болтая с мисс Торп, почти совсем забыла о мистере Тилни, — дружба, несомненно, является целительным бальзамом для ран от разочарований в любви.

Беседа их обратилась к темам, свободное обсуждение которых обычно немало способствует внезапному возник-

новению доверительной дружбы между молодыми девицами, — таким как наряды, балы, флирт и человеческие причуды. Будучи на четыре года старше и располагая, следовательно, более долгим опытом, мисс Торп при обсуждении этих тем имела существенные преимущества. Она могла сравнить балы в Бате с балами в Танбридже, а также здешние наряды — с лондонскими, объяснить новой подруге, что такое со вкусом подобранные украшения, уловить флирт между джентльменом и леди, которые всего лишь улыбнулись друг другу, и в густой толпе заметить какого-нибудь чудака. Подобные способности привели совершенно несведущую во всем этом Кэтрин в полный восторг. И у нее составилось о подруге такое высокое мнение, которое могло бы помешать близости между ними, если бы простота обращения и живость мисс Торп, а также ее многократные заверения в том, как она счастлива их знакомству, не рассеяли в Кэтрин чувства благоговения перед ней, сохранив в ее душе лишь горячую симпатию. Растущая взаимная привязанность не позволила новым подругам ограничиться только полудюжиной пройденных по Галерее кругов и вынудила мисс Торп, когда вся компания покинула это заведение, проводить мисс Морланд до самых дверей дома мистера Аллена. Они расстались после нежного и долгого рукопожатия, обнаружив, к взаимной радости, что им предстоит встретиться вечером в театре, а наутро молиться в одной и той же церкви. Кэтрин тотчас же взбежала по лестнице и стала наблюдать из окна гостиной, как мисс Торп удалялась по улице, восхищаясь грациозностью ее походки и элегантностью ее фигуры и платья и благодаря судьбу за то, что она послала ей такую подругу.

Миссис Торп была вдовой, не слишком богатой. Она была благодушной, доброжелательной женщиной и снисходительной матерью. Ее старшая дочь была красавицей, а младшие, воображая, что они столь же хороши, как их сестра, подражая ее манерам и одеваясь в том же стиле, вполне довольствовались своей судьбой.

Эта краткая характеристика семьи потребовалась для того, чтобы уберечь читателя от долгого и подробного повествования самой миссис Торп о ее злоключениях и невзгодах, которое заняло бы три или четыре следующие главы, разоблачая пороки домовладельцев и стряпчих и воскрешая разговоры двадцатилетней давности.

ГЛАВА V

Вечером в театре Кэтрин была не настолько занята обменом любезностями и улыбками с мисс Торп (поглощавшими, впрочем, немалую долю ее внимания), чтобы не поискать взглядом во всех даже самых отдаленных ложах мистера Тилни. Увы, она вглядывалась напрасно. Пьеса так же мало интересовала мистера Тилни, как и Галерея. Она решила, что следующий день окажется более удачным. И когда, словно в угодие ее желанию, на завтра выдалось великолепное утро, она уже почти в этом не сомневалась. Ибо хороший воскресный день в Бате выгоняет из дому всех его обитателей, заставляя их отправиться на прогулку, чтобы выразить знакомым свое восхищение чудесной погодой.

После богослужения компании Торпов и Алленов сразу же объединились. И, проведя в Галерее ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы прийти к выводу о невыносимости тамошней толчеи и невозможности встретить в ней хотя бы одно приятное лицо, — вывод, делаемый всеми каждое воскресенье в продолжение всего сезона, — они поспешили к Крессенту, чтобы подышать свежим воздухом в более достойном окружении. Здесь Кэтрин и Изабелла, гуляя рука об руку, могли вновь насладиться задушевной беседой. Они разговаривали долго и с большим чувством. Но надежда Кэтрин встретить своего партнера по танцам оказалась опять несостоятельной. Его не было нигде. Все попытки его найти оканчивались ничем. Он не показывался ни на утренних сборищах, ни на вечерних асамблеях, ни в Верхних, ни в Нижних залах, ни на костюми-

Содержание

НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО

Перевод И. Маршака 5

ДОВОДЫ РАССУДКА

Перевод Е. Суриц 243

Комментарии. Н. Демурова, Н. Михальская, Е. Гениева 466

Остин Дж.

О 76 Нортенгерское аббатство : романы / Джейн Остин ; пер. с англ. И. Маршака, Е. Суриц. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Мировая классика). ISBN 978-5-389-07363-0

Романы «Нортенгерское аббатство» и «Доводы рассудка» принадлежат перу знаменитой английской писательницы Джейн Остин, чье творчество получило широчайшее признание во всем мире. Ее книги не утратили своего очарования и блеска, они выдерживают все новые и новые издания, появляются все новые и новые их экранизации. С тонкой иронией и мягким, истинно английским юмором писательница создала целую галерею ярких образов своих современников — благородных и коварных, безрассудных и малодушных, трепетных и высокомерных. Они ссорятся и мирятся, радуются и грустят, скучают и веселятся, а главное — влюбляются и любят. Именно любовь царит беспредельно в замечательных романах Джейн Остин.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙН ОСТИН
НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО

Ответственный редактор Кирилл Красник
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Ирина Сологуб, Татьяна Бородулина
Главный редактор Алесандр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 04.12.2017. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 25,2.

Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMC-15356-07-R